

У меня задача практически невозможная – в коротком выступлении рассказать, как развивалась институциональная благотворительность в стране, как появились первые благотворительные фонды.

Это сейчас мы видим в России разнообразие донорских структур. Есть частные, корпоративные фонды, десятки фондов местных сообществ, так называемые фандрайзинговые фонды, которые собирают средства как правило для помощи конкретным людям или на конкретную цель. Есть фонды целевых капиталов, есть организации-операторы, которые распределяют президентские гранты, хотя далеко не все они являются фондами. Форум Доноров ежегодно выпускает доклад, в котором описывается развитие институциональной благотворительности в России, он же ведет так называемую Карту донорской активности, где представлена деятельность разнообразных благотворительных фондов. Сейчас на этой карте можно найти, например, информацию о совокупном бюджете 70 фондов за 2012 год. Эта сумма составляет около 6 миллиардов рублей. Все эти многочисленные фонды поддерживают различные виды деятельности некоммерческих организаций, осуществляют помощь разным целевым группам, развивают инфраструктуру гражданского общества. Наиболее приоритетными, как обычно, являются образование, социальная поддержка, здравоохранение, культура, спорт. В общем, мы наблюдаем целую линейку направлений поддержки. Но это картина, которую мы видим сейчас. Трудно себе представить, что еще 25 лет назад на этом поле практически ничего не было. И нужно сказать, что началась эта эпопея довольно давно, именно с 87-го года, когда миллиардер Джордж Сорос вдруг решил, что уже можно чего-то делать в Советском Союзе. Он понял, что обращаться за разрешением уже можно, потому что выпустили Сахарова из ссылки. И он посчитал, что это тот самый знак, что уже можно что-то делать, что, скорее всего, то, что происходит в Советском Союзе, уже будет необратимо. И он в 87-м году появился в Советском Союзе. Понятно, что в это время никаких законов о благотворительности не было и о донорах вообще никто не слышал. У нас

был действительно – и это мостик к тому, что Вы рассказывали, - Фонд культуры, был Фонд мира. Соросу было позволено образовать фонд под названием «Культурная инициатива» совместно с Фондом культуры Советского Союза. И Фонд мира тоже к этому был причастен.

То есть, появилась такая структура, которая, используя, в частности, и средства Сороса, развивала в основном культурные проекты, но очень быстро сместилась на развитие различных гражданских проектов и даже на поддержку государственных институтов.

Нужно сказать, что Фонд Сороса был один из тех, кто закупал факсы, например для министерств. Потому что факсы тогда только появились. Их не хватало. И он в виде благотворительности помогал нашим министерствам.

До 90-го года практически кроме Фонда под названием «Культурная инициатива» зарубежных Фондов в Советском Союзе не было. Начал свою деятельность Фонд Форда в 89-м, но он действовал из-за границы.

1991-1999-й годы – это следующий этап. Это этап, когда действительно многие зарубежные фонды пришли в Россию. Это пик поддержки со стороны западных фондов и агентств, поддержки в основном структур гражданского общества. То есть эти фонды пришли с некоторой миссией, с некоторым пониманием: а что же нужно делать в России, в новой стране, которая только что объявила о том, что будет строиться демократия, где была принята новая Конституция. И они пришли с некоей миссией прогрессорства.

Но как это обычно бывает у прогрессоров: мы приходим – мы сейчас вам поможем, и у вас будет демократия. Мы будем поддерживать некоммерческий сектор, гражданское общество, правозащитные организации, и глядишь, лет через пять-семь-десять страна станет совсем другой. Конечно, эта иллюзия постепенно рассеивалась, потому что так быстро ничего не делается в стране, которая семьдесят лет была одной и теперь вдруг решила стать другой. Такое быстро не происходит.

Эти годы – 1991-1999-й – это действительно были годы, когда, с одной стороны, была максимальная поддержка для развития гражданского

общества, гражданских инициатив и правозащитных организаций, с другой стороны, нарастало разочарование результатами. И западные доноры стали думать о том, а как бы все-таки поменять стратегию, потому что быстро как-то не получается.

К концу 99-го года появилось немало статей с их собственным анализом и критикой того, что делают в стране западные доноры. Аналитики выявили довольно много недостатков в том, как доноры вообще осуществляют эту поддержку, помощь. И многие решили, с одной стороны, расширить линейку поддержки, то есть не только выделять средства на гражданское общество, не только на правозащитные организации, а поддерживать более широко всякие социальные проекты и т.д. С другой стороны, они стали больше взаимодействовать и с официальными структурами, понимая, что административные ресурсы, возможности государства, если использовать их эффективно, гораздо быстрее меняют ситуацию в стране.

В этот же период появились уже первые российские частные фонды. Раньше их не было. Тут речь не о юридическом статусе, что структура зарегистрирована как фонд, а то, что это организация, которая реально имеет ресурсы и которая раздает деньги с помощью конкурсов. У такого фонда есть свои собственные средства, которыми он волен распоряжаться.

Первым частным фондом оказался Фонд «Вольное дело» Дерипаски, потом Фонд Потанина и потом ряд других фондов. Сейчас практически все наши бывшие олигархи имеют свой фонд. Это стало престижным. Иногда фонд носит имя основателя, иногда нет, но, тем не менее, большинство имеет свои Фонды.

Следующий этап – 2000-2004-й годы – это, наверное, такой золотой век благотворительности, золотой век развития фондов. Потому что, с одной стороны, продолжали действовать зарубежные фонды, немного поменяв свою стратегию, с другой стороны, начался бум развития всяких российских

структур поддержки благотворительности. Это были и корпорации, это были и частные фонды, это были и первые фонды местных сообществ.

Нужно сказать, что в это время оценить поддержку наших бизнес-структур социальным проектам можно было приблизительно в полмиллиарда долларов. То есть наш бизнес тоже очень активизировался. Конечно, не всегда по доброй воле. Мы знаем, как это делается. И не всегда на то, что бы он сам хотел, а что ему советовали делать. Но тем не менее траты довольно большие.

В это же время сформировался Форум доноров, который начинался как Клуб зарубежных доноров. К 2002 году он уже превратился в наполовину российскую по составу структуру, а уже сейчас, в 2014 году зарубежных доноров среди членов Форума Доноров всего три, наверное, из тридцати. То есть фактически доминируют российские доноры.

Итак, в 2004 году произошел взлет российской институциональной благотворительности. Но одновременно мы фактически потеряли Фонд Сороса, который в 2003 году сильно свернул свою деятельность, осталось лишь несколько проектов. Конечно, это была большая потеря для некоммерческих организаций. Потому что бюджет Фонда Сороса был приблизительно такой же, как сумма всех остальных бюджетов зарубежных доноров. Ну, кроме, может быть, USAID, американского агентства, которое действительно было самым крупным институциональным донором. Но это были государственные деньги США.

2005-2010-й годы. Мирное время заканчивалось, и спокойное время для благотворительности некоммерческого сектора постепенно завершалось. Почему? Внешняя ситуация, международная обстановка диктовали другую внутреннюю политику нашим властям. И после ряда «цветных революций», «революций роз», «оранжевой революции» произошло изменение в отношении к зарубежным деньгам, зарубежным донорам.

В 2006 году, как мы знаем, были приняты изменения в Закон о некоммерческих организациях, которые ужесточали контроль над

зарубежным финансированием и отчетность по нему. Одновременно более строго стали относиться и к представительствам зарубежных организаций. В этот же период, в 2004 году, в связи с арестом Ходорковского закрылся один из самых больших и успешных российских Фондов – Фонд «Открытая Россия». То есть, появились серьезные сигналы о том, что хорошее время заканчивается и начинается серьезный период сложностей для некоммерческого сектора и для благотворительных организаций.

Параллельно, поскольку был принят закон 2006 года, это был сигнал для зарубежных доноров: ребята, вообще-то вы тут не очень нужны, потихонечку сворачивайтесь и уезжайте. Те, кто это понял, и те, кто быстро сообразил, это и сделали. Их было не так много. Остальным напомнили попозже и более сурово.

Когда появились претензии к зарубежному финансированию, большинство некоммерческих организаций сказали: хорошо, мы бы отказались от зарубежного финансирования, а где тогда нам брать деньги? Вы знаете, что бизнес не поддерживает целый ряд организаций и целый ряд направлений деятельности. И тогда государство сказало: а мы сами будем вам помогать. И с 2007 года появились так называемые президентские гранты, оператором которых сначала была Общественная палата, а потом их разбили на шесть, затем на семь операторов, распределяющих президентские гранты.

Нужно сказать, что до сегодняшнего дня количество денег, выделяемых распоряжением президента для НКО, каждый год увеличивалось. И в прошлом году оно составило 3 миллиарда рублей. Это не считая денег, которые распределяет Министерство экономического развития. То есть это довольно большие средства, гораздо большие, чем распределяли ежегодно все иностранные доноры, между прочим. Но тут вопрос еще в том, кому они распределяются, как и насколько эффективно эти деньги тратятся. И здесь есть много вопросов к тому, как была организована раздача этих грантов и т.д.

Теперь последний этап – 2011-2014-й годы. Это период дальнейшего выдавливания западных фондов. Мы распрощались с USAID – американской командой, которая здесь очень много что сделала. Кроме этого сократились многие программы ООН, закрылись программы ряда посольств.

Тут есть ряд причин. Одна причина – это просто нелюбовь российских властей к зарубежному финансированию. Другая – это то, что Россия сказала: мы - уже не развивающаяся страна, мы - страна развитая, и у нас, в принципе, есть свои средства, нам не надо внешней гуманитарной помощи. То, что было под видом гуманитарной помощи, тоже прекратилось.

Нужно сказать, что везде и в том числе в Законе об иностранных агентах, который был принят после известных событий 2011-2012-го годов и который также ужесточал отношение к зарубежным деньгам, - везде благотворительность как таковая исключалась из сферы деятельности закона. То есть, считалось, что благотворительность – это все-таки вещь полезная. Мы видим это даже по изменениям в Законе о благотворительности. Это один из немногих законов, который в плохую сторону сильно не поменялся.

То, что происходит сейчас, вы все уже прекрасно знаете, и мы видим это каждый день. Растет государственное финансирование, в том числе и правозащитные организации стали получать государственные средства. Идет патриотическая мобилизация, одновременно усиливается конфронтация, растет число российских частных Фондов и популярность благотворительности. Благотворительность сейчас на подъеме. Она на телевидении, в газетах – везде.

Рассказать о достижениях западных доноров и даже российских за эти годы я уже не успеваю. Но я все-таки скажу несколько вещей. Помните, наш президент говорил о том, что в год почти миллиард долларов зарубежных средств шло на поддержку НКО. Эти цифры неправильные, они ложные. Об этом уже многие НКОшники говорили. Откуда такие данные взялись – непонятно, нам это не объясняют. По моим подсчетам (а я следил за деятельностью всех этих фондов, начиная с Фонда Сороса в ранее время) за

все время, за 25 лет работы в стране, зарубежные доноры на поддержку именно гражданских инициатив, социальных проектов культуры, образования и прочее потратили не более 3-4 миллиардов долларов. Никто этого точно не считал. Но подсчитано, что Сорос потратил порядка 700 миллионов долларов. Приблизительно столько же USAID. Все остальные – гораздо меньше. И суммарно величину затрат можно оценить максимум в 3-4 миллиарда, не более.

Конечно, цифры не столь важны. Важно то, что было сделано донорами, в основном западными, которые привнесли в страну совершенно новые понятия, новую культуру, новые социальные взаимоотношения. То есть, фактически они создали третий сектор таким, каким мы его сейчас видим, и в большой степени его культуру. Именно при поддержке зарубежных доноров возникли ресурсные центры, кризисные службы, юридические клиники, телефоны доверия. Всех этих понятий просто не было раньше. Программа университетских центров Интернет, которую Сорос профинансировал в конце 90-х годов, - это сильный рывок в развитии публичного Интернета. Новые подходы и модели, и новые технологии были привнесены с Запада. Не все из них прижились. Потому что часть из них вообще на нашей почве не прижилась, но тем не менее очень многое получило новое рождение, они трансформировались и были приняты на российской почве с некоторыми изменениями.

Менеджмент, грант, прозрачность, социально ответственный бизнес, социальное проектирование, попечительские советы, социальные работники – это все новые понятия, которых не было раньше.

Каковы же выученные и невыученные уроки? Уроков довольно много. И опять это будет очень коротко. Не все получилось, не все модели прижились. Не хватало пиара для этой деятельности, не хватало координации среди доноров. Многие доноры не продумали exit strategy. Они не понимали, как уходить, чтобы то, что они сделали, устойчиво оставалось. В основном поддерживались годовые проекты, которые не дают серьезных изменений.

Проекты должны быть как минимум трех-пяти-десятилетние, тогда можно чего-то добиться. Но, к сожалению, это невозможно по правилам многих доноров.

Конечно, урок состоит в том, что нельзя ждать быстрых результатов. В России надо жить долго – тогда вы что-нибудь увидите.

Вот еще некие проблемы. То, что можно было привнести из Запада в виде технологий, сейчас почти все у нас уже есть. Оно существует, но в очень маленьких, иногда в штучных количествах. Оно есть в каком-то одном регионе, а в соседнем про это ничего не знают. Фактически наша задача сейчас – не столько привносить какие-то новые стратегии, новые технологии, а скорее научиться распространять то, что уже работает в России, и очень неплохо работает. К тому же, с появлением Интернета и новых технологий уже нет необходимости в некотором физическом агенте, который чего-то принесет вам сюда. Все это можно уже заимствовать через Интернет, получать через участие во всяких вебинарах и прочих on-line коммуникациях.

Таким видится будущее благотворительности, которая уже будет меньше зависеть от власти, от тех, кто определяет политику, которая начинает развиваться самостоятельно. Это будущее внушает некоторую надежду. Правда, нашим прогрессорам не хватает идеализма и романтизма, которые были присущи западным донорам. К сожалению.